

РОЛЬ АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОДГОТОВКЕ СААДАБАДСКОГО ПАКТА (1933—1935)

История образования политического блока четырех стран в составе Турции, Ирана, Ирака и Афганистана, получившего в июле 1937 г. название Саадабадского пакта, наиболее подробно в советской литературе освещена в работах П. К. Тарасова¹ и С. Л. Агаева². Однако эти авторы пришли к различным выводам в результате своих исследований. В частности, С. Л. Агаев пишет: «...Вряд ли правомерно, как это допускается в зарубежной и отчасти в советской историографии, связывать организацию региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке, в частности усилия турецкой дипломатии в этом направлении, только с политикой английского империализма и экспансией Италии в Восточном Средиземноморье, в том числе с ее нападением на Эфиопию в октябре 1935 г.» С. Л. Агаев считает, что в работе П. К. Тарасова «без достаточных оснований утверждается, что Англия была инициатором создания пакта, являвшегося (как полагает П. К. Тарасов.— В. К.) составной частью системы империалистических союзов кануна второй мировой войны»³.

В настоящей статье делается попытка, используя ранее неизвестные документы из фондов Государственного архива Великобритании и другие источники, проследить ход переговоров о создании региональной группировки на Ближнем и Среднем Востоке⁴ в 1933—1935 гг., а также ставится задача показать, какую позицию в отношении этих переговоров занимала английская дипломатия.

26 сентября 1933 г. турецкий министр иностранных дел Тевфик Рюштю конфиденциально сообщил английскому послу в Анкаре о том, что «персидское правительство (Персия — название Ирана в официальной дипломатической переписке до 21 марта 1935 г.— В. К.) проводило его зондаж относительно возможности заключения четверного пакта о ненападении

¹ Тарасов П. К. Саадабадский пакт.— В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968, с. 47—68.

² Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925—1941 гг. М., 1971, с. 286—304.

³ Там же, с. 293.

⁴ В исторической литературе, особенно в западной, наряду с названием пакта «Саадабадский», широко применяются Ближневосточный, Средневосточный, Азиатский пакт, Ближневосточная или Средневосточная Антанта и др. В настоящей статье употребляется название «Ближневосточный».

между Персией, Турцией, Ираком и Великобританией». Тевфик Рюштю ответил на это, что «в принципе он выступает в пользу заключения такого пакта, но, поскольку Советская Россия является одним из соседей Персии и ввиду отношений, существующих между Россией и Турцией, он не может принимать никаких шагов в этом направлении до тех пор, пока не узнает, что Россия думает об этом пакте». Он посоветовал персидскому правительству воспользоваться предстоявшим визитом заместителя наркома иностранных дел Советского Союза Л. М. Карахана в Тегеран и поставить этот вопрос перед ним. В заключение Тевфик Рюштю сказал, что сам он «горячо приветствовал бы пятисторонний пакт между Персией, Турцией, Ираком, Великобританией и Советской Россией, но он понимает, что вопросы, которые две последние великие державы должны будут учитывать при этом, являются гораздо более сложными, чем сравнительно простые проблемы Турции»⁵.

При рассмотрении этой информации в ближневосточном отделе английского министерства иностранных дел 28 сентября один из ответственных чиновников Форин Оффиса А. К. Хелм с определенной настороженностью отметил, что при обсуждении аналогичного вопроса в 1932 г. турецкий министр иностранных дел Тевфик Рюштю не делал никакого упоминания относительно какой-либо необходимости консультации с Советским Союзом или привлечения его в качестве одного из участников предполагаемого пакта. В конечном счете в Форин Оффисе было решено, что английская позиция в вопросе о планируемом пакте должна оставаться пока такой, какой она была в прошедшем году, т. е. «ожидать дальнейшего развития событий»⁶.

В конце сентября — начале октября 1933 г. с официальным визитом в Иране находился заместитель наркома иностранных дел СССР Л. М. Карахан⁷. 3 октября в МИД Ирана состоялись советско-иранские переговоры, в ходе которых министр иностранных дел Ирана Каземи заявил: «Существует договор между Англией и Ираком, по которому английское правительство имеет право содержать войска на территории Ирака. Имеется предложение о заключении четверного пакта (Турция, Ирак, Персия, Афганистан) ненападения, что устранил возможность использования этих частей против Турции и Персии»⁸. Таким образом, Каземи стремился представить перед Л. М. Караханом планируемый пакт как своеобразную гарантию от возможности английской агрессии против ряда стран Ближнего и Среднего Востока с территории полностью зависевшего от Англии Ирака.

⁵ PRO, FO. 371/16855, p. 223.

⁶ Ibid., p. 222.

⁷ См.: ДВП СССР, т. 16, № 307, с. 551—552; № 308, с. 553; № 313, с. 559; Известия, 1933, 2—10 окт.

⁸ ДВП СССР, т. 17, примеч. 224, с. 812.

Однако, информируя англичан об итогах переговоров с Л. М. Караханом, иранская сторона привела иной состав возможных участников предполагаемого пакта, назвав в их числе Турцию, Ирак, Персию, Великобританию и СССР. Согласно телеграмме британского посольства в Тегеране, направленной в Лондон 11 ноября 1933 г., глава русского отдела иранского МИД сообщил английскому поверенному в делах, что идея пятистороннего пакта «обсуждалась в ходе недавнего визита Карахана», который, назвав ее «весьма логичной», сказал, что «СССР полностью одобряет пакты о ненападении», и пообещал помнить о высказанной персами идее по возвращении в Москву⁹. После тщательного изучения полученной из Тегерана информации в министерстве иностранных дел Великобритании было решено не предпринимать «никаких действий» в этой связи, но продолжать внимательно следить за дальнейшим развитием ситуации вокруг вопроса о предполагаемом Ближневосточном пакте¹⁰.

Новый импульс обсуждению этого вопроса в стенах Форин Оффиса дала беседа постоянного заместителя министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарта с турецким послом в Лондоне М. Мюнир-беем, состоявшаяся 28 декабря 1933 г., в ходе которой турецкий дипломат информировал Ванситтарта о том, что проект пакта о ненападении между Турцией, Персией, Ираком, Советским Союзом и Афганистаном, первоначально обсуждавшийся еще в 1932 г., в котором, как предполагалось, Великобритания также должна стать участником, недавно был возрожден. Мюнир-бей сказал далее, что «турецкое правительство с одобрением относится к этому проекту, так как оно считает, что такое соглашение укрепило бы мирные международные отношения на Ближнем Востоке», однако, прежде чем идти дальше в этом деле, оно хотело бы выяснить позицию британского правительства в отношении данного проекта. В своем ответе на это заявление турецкого посла Ванситтарт фактически ограничился обещанием передать полученную информацию министру иностранных дел Дж. Саймону и сообщить послу точку зрения правительства Англии «в свое время»¹¹.

М. Мюнир-бей в беседе с Р. Ванситтартом не говорил о том, кто именно из предполагаемых участников Ближневосточного пакта выступил инициатором возрождения его прошлогоднего проекта. Однако в меморандуме Форин Оффиса от 8 января 1934 г., составленном А. К. Хелмом, в связи с этим утверждалось, что для британского правительства должно быть «совершенно ясно и есть все основания полагать, что последний турец-

⁹ PRO, FO. 371/16855, p. 226.

¹⁰ Ibid., p. 224—225.

¹¹ Ibid., p. 227—231.

кий шаг в данном вопросе был сделан после консультаций с Советским правительством»¹².

Официальный ответ на заявление турецкого посла в Лондоне перед Ванситтартом английское правительство дало в ноте, отправленной Саймоном Мюнир-бею 20 января 1934 г. Английский министр иностранных дел указывал в ней, что он «может только подтвердить официально мнение, предварительно выраженное Р. Ванситтартом лично», а именно: «Уже существует достаточное число пактов такого рода, что делает заключение еще одного такого пакта некоторым образом излишним. Отношения между Соединенным Королевством и Турцией являются настолько удовлетворительными, что они не требуют никаких дополнительных предохранительных мер. Страны, которые были упомянуты как возможные участники пакта, являющиеся либо членами Лиги наций и поэтому находясь под защитой ее Устава, либо являющиеся участниками пакта Келлога, к которому предлагаемый новый пакт почти ничего не может добавить»¹³.

Месяц спустя, 19 февраля 1934 г., министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю в беседе с английским послом в Анкаре П. Лорейном (бывшим в 1921—1926 гг. посланником в Тегеране) вновь поднял вопрос о региональном пакте о ненападении, охватывающем Афганистан, Персию, Ирак, СССР, Турцию и Великобританию, и попытался выяснить позицию британского правительства¹⁴.

Английская дипломатия предприняла, по выражению П. Лорейна, тактику «вежливого расхолаживания» турецкого правительства в отношении привлечения к пакту СССР и Великобритании. При этом в ход шло и лицемерие, и демагогия. В частности, сославшись на свой длительный опыт работы в Иране, П. Лорейн, учитывая предстоявший визит Реза-шаха в Анкару, особый упор сделал на то, «сколь невыносимой для персов идеей был бы какой-либо призрак соглашения между Англией и Россией». «Самым черным днем Персии в ее современной истории,— сказал он,— является день заключения англо-русского соглашения 1907 г. По мнению Персии,— разглагольствовал далее Лорейн,— не требует доказательств, что англо-русское соглашение может быть только за счет Персии и было бы, вероятно, направлено на ее раздел». В заключение своей тирады П. Лорейн заявил, что в любом таком деле, как вопрос о пакте, следует быть «очень осторожным». В этих условиях Тевфику Рюштю не осталось ничего другого, как завершить беседу с английским послом признанием того, что он «полностью ощутил осмотрительность, которая необходима в этом деле»¹⁵.

¹² PRO, FO. 371/17830, p. 6.

¹³ Ibid., p. 9.

¹⁴ Ibid., p. 14.

¹⁵ Ibid., p. 14—15.

Продолжая считать Ближневосточный пакт о ненападении в предлагавшемся составе «ненужным», руководство ближневосточного отдела Форин Оффиса в то же время обратило внимание на недопустимость той аргументации, которую использовал П. Лорейн в беседе с турецким министром иностранных дел, пытаясь отговорить его от дальнейшего обсуждения вопроса о региональном пакте с другими возможными участниками, в том числе с персами. «Мне кажется,— писал руководитель ближневосточного отдела Дж. Рендел, анализируя телеграмму Лорейна,— что не может быть параллели между англо-русским соглашением 1907 г., которое рассматривалось персами как заключенное над мертвым телом Персии, и теперешним предложением, по отношению к которому Персия, кажется, является одним из организаторов и главная цель которого выглядит как стремление сохранить полностью целостность и независимость всей цепи ближневосточных государств от Средиземного моря до границы с Индией». Рендел предложил даже сделать Лорейну «предупреждение»¹⁶.

Состоявшийся летом 1934 г. официальный визит иранского шаха Реза Пехлеви в Турцию способствовал дальнейшему укреплению турецко-иранских отношений¹⁷. Вместе с тем английская пресса, в частности газета «Дейли Телеграф» от 19 июня 1934 г., писала, что в ходе визита Реза-шаха в Анкару обсуждался также вопрос о возможности заключения некоего договора между Турцией, Персией, Ираком и Афганистаном¹⁸.

Появление таких сведений в печати вызвало официальный запрос в британском парламенте. 25 июля 1934 г. депутат парламента капитан Каннингхэм-Рэйд спросил министра иностранных дел Д. Саймона, имеет ли он какую-либо информацию относительно подписания договора между Персией, Турцией, Ираком и Афганистаном и может ли он сказать, каковы основные условия этого договора. При подготовке ответа своего министра в парламенте сотрудники ближневосточного отдела Форин Оффиса прежде всего указали на «неправдоподобный по существу» характер появившихся газетных сообщений о пакте. «Теперешнее положение таково,— писал, в частности, руководитель отдела Рендел,— что персидско-иракские отношения являются крайне напряженными и иракцы даже просили у нас совета относительно того, как им следует реагировать на агрессивную позицию Персии в отношении их общей границы. ...Отношения между Персией и Афганистаном также вызывают тревогу»¹⁹.

¹⁶ Ibid., p. 12—13, 18—21.

¹⁷ О визите Реза-шаха в Турцию см.: Новейшая история Турции. М., 1968, с. 159; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 286; Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 141—142.

¹⁸ Daily Telegraph, 1934. 19. 6; PRO, FO. 371/17830, p. 27.

¹⁹ PRO, FO. 371/17830, p. 27. Следует отметить, что как раз в 1934 г. при посредничестве Турции были урегулированы ирано-афганские взаимные претензии по поводу использования вод пограничной реки Гильменд. Ирано-иракские

В конечном итоге был подготовлен следующий ответ на вопрос о Ближневосточном пакте, который Д. Саймон зачитал в парламенте: «Ответ на первую часть вопроса является отрицательным и поэтому вторая часть вопроса вообще отпадает»²⁰.

Несмотря на то, что Саймон постарался опровергнуть сведения о Ближневосточном пакте, просочившиеся в печать и ставшие причиной парламентского запроса, несомненно, что вопрос о возможном заключении пакта обсуждался в ходе ирано-турецких переговоров во время пребывания Реза-шаха в Турции. Об этом свидетельствует и содержание телеграммы, отправленной 19 июля 1934 г. из английского посольства в Багдаде. Согласно полученным сведениям, посланник Ирака в Анкаре запросил у своего МИД инструкций относительно того, как он должен будет ответить, если со стороны Турции поступит предложение о заключении Ближневосточного пакта, охватывающего только Турцию, Персию и Ирак. Указание, направленное иракскому посланнику в Анкаре, гласило, что в таком случае ему следует дать туркам «ни к чему не обязывающий ответ» и одновременно попросить их «точно объяснить, чего они хотят»²¹. Чиновник ближневосточного отдела Форин Оффиса А. К. Хелм, работавший с этой телеграммой из Багдада, выражая мнение своего начальства, сделал на ней следующую пометку: «Инструкции, данные иракскому посланнику в Анкаре, выглядят правды»²².

31 июля 1934 г. в беседе с полпредом СССР в Тегеране С. К. Пастуховым министр иностранных дел Ирана Каземи вновь поднял вопрос о групповом пакте ненападения между Ираном, Турцией, Афганистаном и Ираком и декларировал предложение, которое он довел до сведения Л. М. Карахана в период его визита в Тегеран осенью 1933 г. Каземи сообщил, что турецкое правительство дало согласие на участие в этом пакте, и выразил уверенность, что Афганистан, которому они «пока не делали предложения», тоже присоединится к пакту. Что же касается Ирака, сказал Каземи, то вопрос о его присоединении будет зависеть от позиции Англии, которая ему еще неизвестна. Он заявил, что правительство Ирана хотело бы знать об отношении Советского правительства к планируемому пакту, чтобы в зависимости от этого предпринять дальнейшие шаги²³.

Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов в письме в ЦК ВКП(б) от 3 августа 1934 г., касаясь вопроса о группо-

пограничные разногласия продолжали оставаться нерешенными до июля 1937 г. См.: Иран. Очерки..., с. 142; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 288—293.

²⁰ PRO, FO. 371/17830, p. 28—29.

²¹ Ibid., p. 32.

²² Ibid., p. 31.

²³ ДВП СССР, т. 17, № 288, с. 525—526.

вом Ближневосточном пакте, отмечал: «Я считал бы нежелательным в настоящее время даже переговоры о новом пакте, которые могут, несомненно, отрицательно влиять на переговоры о Восточно-Европейском региональном пакте»²⁴. Первоначальное сопротивление Англии, Италии и других государств заключению Восточного пакта отчасти объяснялось их опасением создания прецедента для постановки на обсуждение других региональных пактов, для них неприемлемых»²⁵.

В письме замнаркоминделу СССР Н. Н. Крестинскому от 1 сентября 1934 г. временный поверенный в делах СССР в Иране А. В. Заславский, говоря о предложении Ирана о групповом пакте, отмечал: «Я думаю, что все это только «прожекты» и что в действительности иранское правительство не пойдет на заключение такого пакта без англичан, ибо не рискнет на этой почве портить с англичанами отношения»²⁶. Прочитированные документы позволяют сделать вывод о том, что вопрос о создании региональной группировки из числа стран Ближнего и Среднего Востока мог быть решен положительно только при условии благожелательного отношения к нему со стороны Англии. Понимали это и руководители ближневосточных государств.

В ходе состоявшейся 25 сентября 1934 г. беседы министра иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хана с английским посланником в Кабуле афганский министр отметил, что причиной нерешительности турецкого министра иностранных дел Т. Рюшту в деле дальнейшего продвижения вперед своего предложения о Ближневосточном пакте является его опасение встретить «отпор» со стороны правительства Великобритании. Файз Мухаммед-хан сказал далее, что все возможные кандидаты из числа ближневосточных стран готовы вступить в планируемый пакт, но он «будет бессмысленным», если в нем не примет участия английское правительство²⁷. В ближневосточном отделе Форин Оффиса после ознакомления с этой информацией было принято решение напомнить британскому посланнику в Кабуле, что позиция правительства по этому вопросу остается такой, как она была изложена в ноте Д. Саймона на имя Мюнир-бея от 20 января 1934 г.²⁸

В телеграмме, полученной 29 октября 1934 г. из британского посольства в Багдаде, сообщалось, что в ходе состоявшихся

²⁴ Переговоры о Восточном пакте весьма подробно освещены в советской исторической литературе. См.: Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1933—1935 гг. М., 1980. Он же. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974; Он же. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979; Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М., 1976; и др.

²⁵ ДВП СССР, т. 17., примеч. 225, с. 812.

²⁶ Там же.

²⁷ PRO, FO. 371/17830, p. 34.

²⁸ Ibid., p. 33, 36.

переговоров министра иностранных дел Ирана Каземи с Нури Саидом иранский министр заявил, что их турецкий коллега Т. Рюшту предлагал заключить Ближневосточный пакт о ненападении между шестью участниками в составе Турции, Ирака, Ирана, Афганистана, Советского Союза и Великобритании, но он почувствовал, что бесполезно продолжать обсуждение этого предложения, если его не одобрит английское правительство²⁹. После изучения данной телеграммы в Форин Оффисе сотрудниками его ближневосточного отдела была сделана на ней следующая пометка: «Точка зрения правительства его величества состоит в том, что такой пакт бросает сомнение в отношении эффективности Лиги наций, пакта Келлога и др. и поэтому он является излишним»³⁰. А в проекте письма на имя британского посланника в Кабуле, подготовленном Д. Ренделом 4 января 1935 г., в этой же связи отмечалось, что «такой пакт выглядел бы особенно излишним, после того как Советский Союз и Афганистан вступили в Лигу наций»³¹.

Вышеуказанные документы показывают, что, пожалуй, одной из самых важных причин негативного отношения Лондона к предполагаемому Ближневосточному пакту о ненападении являлась обсуждавшаяся турецкими, иранскими и афганскими дипломатами возможность привлечения в состав его участников Советского Союза. В конце концов это, видимо, поняли как в Анкаре, так и в Тегеране. И поэтому там вспомнили и вновь выдвинули иной вариант регионального пакта, который, по крайней мере первоначально, должен был включать только трех участников: Турцию, Иран и Ирак. Дело в том, что еще 7 сентября 1933 г. в багдадской газете «Аха-Ватан» было выдвинуто впервые предложение о заключении между именно этими тремя государствами пакта о ненападении³². И когда в сентябре 1935 г. представители Ирана, Ирака и Турции приехали на сессию Лиги наций в Женеву, то между ними начались консультации по вопросу о заключении трехстороннего пакта о ненападении. Отношение британского министерства иностранных дел к этим переговорам, о которых его регулярно информировали представители полностью зависимого от Англии Ирака, оказалось иным. Теперь английская дипломатия фактически стала поддерживать эти переговоры и, действуя главным образом через иракскую делегацию, старалась придать им то направление, которое в наилучшей степени сочеталось бы с интересами британской политики на Ближнем Востоке.

15 сентября 1935 г. Нури Саид сообщил А. Идену, возглавлявшему английскую делегацию на сессии Лиги наций в Женеве, что иранская сторона подготовила и представила на обсуж-

²⁹ Ibid., p. 38.

³⁰ Ibid., p. 37.

³¹ PRO, FO. 371/18921, p. 38.

³² См.: Агаев С. Л. Иран: внешняя политика..., с. 225.

дение проект договора о ненападении между Ираком, Турцией и Ираном. По словам Нури Саида, в период работы данной сессии Лиги наций предполагалось обсудить и парафировать проект такого договора³³. Согласно поступившим в Форин Оффис из различных источников сведениям к этому времени турецкая дипломатия стала оказывать усиленное давление как на иракское, так и на иранское правительство с целью скорейшего урегулирования ирано-иракского пограничного спора, с тем чтобы «расчистить путь для тройственного пакта о ненападении между Турцией, Ираном и Ираком»³⁴.

В связи с изменением и обострением международной обстановки в зоне Восточного Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока, вызванными, в частности, подготовкой итальянской агрессии против Эфиопии, английская дипломатия сняла к осени 1935 г. возражения в отношении самой идеи Ближневосточного пакта. Свой «главный интерес» она теперь видела в том, чтобы в ходе переговоров, начатых в Женеве, Ирак «не взял бы на себя каких-либо обязательств по пакту, которые могли бы противоречить его обязательствам по Уставу Лиги наций или по англо-иракскому договору о союзе» от 1930 г.³⁵ В частности, при рассмотрении полученного из Женевы иранского проекта договора в ближневосточном отделе Форин Оффиса было обращено внимание на то, что некоторые статьи данного проекта «являются копиями» со статей советско-французского пакта о ненападении, подписанного в Париже 30 ноября 1932 г. В этой связи было отмечено, что соответствующие положения советско-французского пакта, будучи включенными в текст Ближневосточного, «не смогли бы защитить обязательства Ирака по условиям англо-иракского союза». Имелись возражения у британского министерства иностранных дел и по некоторым другим статьям иранского проекта как не отвечающим в полной мере интересам Ирака³⁶.

После этого иракская делегация в Женеве, руководствуясь рекомендациями британской дипломатии, представила свой контрпроект Ближневосточного пакта³⁷. Причем следует отметить, что текст иракского проекта договора был подготовлен при непосредственном участии английских экспертов и советников, консультировавших в Женеве делегацию Ирака³⁸. Этот проект, естественно, получил полное одобрение в Форин Оффисе³⁹.

В свою очередь, делегации Турции и Ирана предложили

³³ PRO, FO. 371/18921, p. 46—47.

³⁴ Ibid., p. 45.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid., p. 51.

³⁷ Ibid., p. 58—72.

³⁸ Ibid., p. 77.

³⁹ Ibid., p. 73.

тогда ввести в проект обсуждавшегося договора «определение агрессии». Причем понятие агрессии было сформулировано в соответствии с лондонскими конвенциями 1933 г. об определении агрессии, заключенными по инициативе Советского Союза⁴⁰. Английские дипломаты, консультировавшие иракскую делегацию на переговорах о Ближневосточном пакте, заявили ей в этой связи, что хотя они «с неприязнью относятся к такому определению агрессии в принципе», но тем не менее не возражают против его включения в текст договора⁴¹.

25 сентября 1935 г. иранская делегация вынесла на обсуждение свой второй проект Ближневосточного пакта о ненападении, в котором были учтены многие положения иракского контр-проекта⁴². К концу сентября общими усилиями всех участников переговоров был подготовлен и согласован окончательный текст проекта договора о ненападении между Турцией, Ираком и Ираном⁴³. Тем не менее иракский министр иностранных дел Нури Саид прибыл в Лондон, где 30 сентября встретился с руководителем ближневосточного отдела Форин Оффиса Д. Ренделом, которому заявил, что, прежде чем подписывать договор, он надеется получить от британского правительства «заверение, что оно не имеет никаких возражений против пакта». Комментируя это заявление Нури Саида, один из ответственных сотрудников британского МИД Л. Бэггалэй сформулировал точку зрения своего правительства по вопросу о Ближневосточном пакте следующим образом: «Поскольку правительство Ирака считает, что договор ничем не ограничивает его свободу в выполнении обязательств по союзу (с Великобританией.— В. К.), то у нас нет оснований удерживать его от подписания пакта»⁴⁴.

Наконец, 2 октября 1935 г. представители Ирана, Ирака и Турции парафировали в Женеве проект договора о ненападении⁴⁵. Окончательному подписанию договора в значительной мере мешал неразрешенный ирано-иракский пограничный спор из-за вод реки Шатт-эль-Араб. Было решено, что договор будет подписан и вступит в силу только после урегулирования этого спора. В ноябре 1935 г. в результате визита иранского министра иностранных дел Каземи в Кабул была достигнута договоренность о присоединении к Ближневосточному пакту Афганистана⁴⁶.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в рассмотренный период с осени 1933 по осень 1935 г. в позиции Англии по вопро-

⁴⁰ О заключении лондонских конвенций об определении агрессии см.: История внешней политики СССР. 1917—1945 гг. М., 1976, т. 1, с. 303—305; Дипломатический словарь. М., 1971, т. 2, с. 214—215.

⁴¹ PRO, FO. 371/18921, p. 74, 84.

⁴² Ibid., p. 92—95.

⁴³ Ibid., p. 105—109.

⁴⁴ Ibid., p. 98.

⁴⁵ Ibid., p. 148—152.

⁴⁶ Ibid., p. 162—163.

су о заключении Ближневосточного пакта о ненападении и создании на его основе региональной политической группировки произошли заметные изменения. Первоначально английская дипломатия занимала позицию «выжидания дальнейшего развития событий», а после того как выяснилось, что турецкие и иранские инициативы и предложения относительно Ближневосточного пакта допускают возможность участия в нем СССР, руководители Форин Оффиса уведомили правительства Турции и Ирана, что в Лондоне этот пакт рассматривают вообще как «излишний» и «ненужный». Однако после того как в Тегеране и Анкаре поняли, каковы действительные причины негативного отношения Лондона к планируемому пакту, и был предложен иной вариант регионального пакта с более узким составом участников (на первом этапе только Турция, Иран и Ирак), английская дипломатия изменила свое отношение и стала фактически поддерживать идею Ближневосточного пакта, заботясь, главным образом, только о том, чтобы обязательства Ирака по англо-иракскому договору о союзе от 1930 г. сохраняли свой приоритет над обязательствами Ирака по Ближневосточному пакту.